

Спустя долгое время Фэн Мин, пробыв в чёрных волнах забвения, с трудом и отчаянно барахтаясь, то всплывая, то погружаясь, вынырнул из этой сонной пучины. Вздых сорвался с губ... и, в итоге найдя в себе силы, юноша медленно открыл веки.

Голова болела нещадно, в висках стучал пульс, словно двигатель, который не замолкал ни на секунду. Поморщив брови, князь увидел над головой лицо, прикрытое траурной вуалью.

Лишь полагаясь на бездонные, пронизанные светом, очаровательные глаза, Фэн Мин понял, кто этот находящийся возле него мужчина.

Губы юноши с трудом, но дрогнули, а сам он произнёс со смехом:

— Вот уж не ожидал, что ещё увижусь с господином советником. — После сказанного горло охватила боль, словно разрывая и, конечно же, делая звук неприятно хриплым.

Лу Дань долгое время внимательно смотрел на Фэн Мина, после чего протяжно вздохнул:

— Князь Мин наконец-то очнулся. Лу Дань, боясь, что князь Мин пробудет в бессознательном состоянии три дня и не сможет преодолеть притеснений цзиши, был вынужден прибегнуть к сильнодействующим лекарствам. Лу Дань правда беспокоился, что тело князя Мина не вынесет этого. Никак не ожидал, что после вчерашних усилий князь Мин придет в себя. Видимо, Вам и впрямь покровительствуют Небеса.

Услышав последние несколько слов, юноша неизбежно вспомнил свои пустые угрозы той кучке цзиши, когда нёс чушь и когда глава цзиши сказала, что если через три дня духи не дадут ответа, то его убьют. Сейчас дерзким врагом цзиши, похоже, был только Лу Дань, который хоть и не являлся порядочным человеком, но вот только ради собственной жизни нужно было хоть немного польстить ему.

Подумав об этом, Фэн Мин хохотнул два раза и, глядя на Лу Даня, проговорил:

— Господин советник очень умён, к тому же он опора государства, ближайший помощник императора. Если господин советник здесь, то к чему мне бояться притеснений цзиши?

Лу Дань посмотрел на Фэн Мина и, не вымолвив ни слова, наклонился, с осторожностью приподнимая юношу. Спустя долгое время в глазах пронеслась шелковинка равнодушия, а сам мужчина со вздохом сказал:

— Князь Мин совсем не знает законов Дунфань?

Фэн Мин покраснел:

— Так... лишь отчасти... — На самом деле та ничтожная часть знаний, что дал ему Жун Тянь, к нему же и вернулась.

— Дунфань — это набожное и верное духам государство. От императора и до простолюдинов — все глубоко верят в духов. Из-за единых убеждений народ Дунфань сплочённее, чем остальные народы мира. Так как Небеса подарили небесно-земной дворец, в котором находится небесно-земное кольцо, в глазах народа он считается святыней. — Лу Дань, говоря уверенно и с полным основанием, сделал паузу, после чего тоскливо со вздохом проговорил: — Из-за такого глава цзиши, как и остальные цзиши, держащие у себя в храме небесно-земное кольцо, достойны уважения, но изо дня в день они всё больше наглеют, вмешиваются в дела управления государством и, чаще прикрываясь духами, уничтожают невыгодных им политических противников, на протяжении сотен лет отнимая всё величие царствующей семьи Дунфань. Даже великий государь зависит от их решений.

Должно быть, вспомнив о том оказанном давлении цзиши в храме, Лу Дань с явным негодованием в глазах обратился к Фэн Мину:

— Обязанности советника Дунфань раньше всегда возлагались на цзиши, поэтому сейчас глава цзиши, скорее всего, в дополнение к своей нынешней хочет заполучить ещё и должность господина советника. Когда дело касается государственной важности, то без согласия советника государь не может единолично принимать решения. Князь Мин, подумайте, какие различия между этим храмом цзиши и мятежным вассалом, замышляющим узурпировать власть?

Фэн Мин с изумлением спросил:

— А разве Вы не являетесь советником Дунфань?

Лу Дань едко рассмеялся:

— Князю Мину известно, сколько горестей мы пережили, сколько приближённых государя поумирало, чтобы отнять эту должность у цзиши? К сожалению, статус уважаемых цзиши, что засел в сердцах народа, непоколебим, а открытое противостояние этим женщинам может вызвать лишь смуту. Я и государь общими усилиями в настоящее время только и можем, что вести скрытую борьбу с ними, уравновешивая силы. В далёких краях сильное государство с каждым днём становится могущественнее, и скоро за несчастьями далеко ходить не надо будет. Если в ближайшее время не уничтожить этот проклятый храм цзиши, то как тогда Дунфань сможет обрести мощь и оказать сопротивление другим странам, которые вторгнутся на нашу землю? — От упоминаний тяжёлой жизни на видном и обычно изящном лице мужчины появилась строгость, которая была крайне редкой.

На что Фэн Мин подумал: «Но я твой пленник и не могу сочувствовать твоему государству, где творятся беспорядки». Хоть у юноши и проскальзывали такие мысли, однако в сердце смутно чувствовалось благоговение к Лу Даню, и, невольно почесав голову, Фэн Мин хмуро проговорил:

— Неудивительно, что эта толпа старух, увидев Вас, стала мрачной и жуткой. Ах, с какой стати господин советник объясняет мне это? В Дунфань и так уже полно беспорядков, так ещё господин советник, отправившись за тысячу ли, устроил в Силэй переполох. «Сначала - успокоение внутри, потом - отпор внешнему врагу» [1], это ведь знаменитый Чан [2]... то есть, так говорил мой учитель Сунь-цзы.

— Сначала - успокоение внутри, потом - отпор внешнему врагу... — словно «пережевав», повторил Лу Дань, после чего со вздохом проговорил: — Ваш учитель и впрямь просвящённый и мудрый человек, и эти слова звучат совершенно правильно. — На мгновение задумавшись о чём-то, мужчина с растерянным видом посмотрел в окно, однако вскоре всё же продолжил: — Чем больше Лу Дань проводит время с князем Мином, тем больше восхищается Вами. Князь Мин прав, если бы это не было необходимо, Лу Дань ни на волос не осмелился бы оскорбить такую величественную страну, как Силэй.

Увидев, что Фэн Мин плохо верит в сказанное, господин советник горько усмехнулся:

— В последнее время Дунфань преследуют стихийные бедствия, под этим предлогом цзиши во всеуслышание объявили, что государственные дела велись с небрежностью, и Небеса, увидев это, разгневались и наказали страну, к тому же направили остриё на меня, советника Дунфань. Если мы не предпримем какие-либо меры, боюсь, Лу Дань в итоге однажды попадётся в руки цзиши.

— А-а... Ваши «меры» — обманом выкрасть меня из Силэй и привезти сюда. Позволить Жун Тяню и всем странам стать врагами, потратить мощь Силэй, а затем позволить мне поделиться знаниями военного искусства, чтобы укрепить армию Дунфань. Если так, господин советник совершит достаточно большое дело, и цзиши также увидят Ваш истинный облик, — растягивая звуки и медленно говоря, Фэн Мин косо окинул взглядом Лу Даня.

Поняв, что его разоблачили, мужчина впервые слегка зарделся румянцем и ласково сказал, смеясь:

— О мудрости князя Мина, конечно же, знают все в Поднебесной. Однако есть ещё одна крайне важная причина, по которой Лу Дань, несмотря на риск, привёз князя Мина в Дунфань, потому что только князь Мин, способный повлиять на судьбу народа Дунфань, имеет право остановиться в небесно-земном дворце, который в глазах народа считается святыней.

Двое мужчин успели обсудить половину, как внезапно в комнате раздался тёплый и кроткий голосок:

— Прощу князя Мина принять лекарство, а потом можете продолжить разговор.

Суй Инь подошла к юноше и поднесла пиалу с тёплым лекарством. При виде густо-чёрного отвара Фэн Мин нахмурил брови и поморщился, показывая несчастное выражение лица. Суй Инь не была похожа на Цю Лань и Цю Юэ. Разве она могла, как они, шуметь и дурачиться, увидев, что юноша нахмурился? Девушка, не обращая ни на что внимания, взяла пиалу и,

приложив к губам, попробовала, проверила, что температура подходящая, после чего протянула пиалу ко рту Фэн Мина, стараясь его напоить. Сам же князь, не желая вызывать чужого пренебрежения, только и мог, что широко открыть рот и проглотить отвар, что влили ему.

Внезапно поток едкого снадобья от горла полился к желудку, отчего Фэн Мин почувствовал себя дурно и захлебнулся.

Вид нефритовой чашечки, которую неожиданно вручили князю, мелькнул в глазах Фэн Мина, сама же она была наполовину полна золотисто-жёлтой жидкости, прозрачной и довольно приятной на вкус.

— Выпейте сироп, чтобы не чувствовать горького послевкусия, — блёкло проговорил Лу Дань.

Фэн Мин пригубил, вкус действительно оказался очень приятным, тогда юноша, запрокинув голову, залпом осушил чашечку, после чего вернул её Лу Даню и беспечно сказал:

— Раз уж оказался на разделочной доске [3], то уже не боюсь быть отравленным. — Сменив тему и вновь вернувшись к только что обсуждаемому государственному делу, юноша холодно хохотнул: — Что значит «дворец в глазах народа считается святыней»? Для меня отвели опочивальню, да вот только эта «опочивальня» оказалась подземной тюрьмой, в которой я чуть насмерть не замёрз.

— Это толпа злобных женщин изначально хотела позволить князю Мину умереть в подземной тюрьме. Даже если бы князь Мин никого не оскорбил ни словом, ни делом, они бы всё равно, пустив в ход все доступные приёмы, отправили князя Мина в гиблое место. — Прикоснувшись к больному месту на груди, Лу Дань внезапно поморщился.

— Извести меня? Они так ненавидят Силэй или Жун Тяня, неужели он тоже когда-то оскорбил их? — пребывал в недоумении Фэн Мин.

Лу Дань постепенно сменил гневное выражение и, вновь улыбнувшись, покачал головой:

— Князь Мин слишком наивен. Разве в дворцовых боях и интригах мало погибает невинных людей? Силэй и Жун Тянь не имеют никакого отношения к тому, что здесь произошло. Их причина убить князя Мина является в том, что князь Мин мой гость.

— Я понял! Если я действительно гость, которого господин советник привёз издалека и поселил в небесно-земном дворце, став четвёртым за сто лет дорогим гостем, которому выпала такая честь, тогда положение господина советника в Дунфань тотчас же станет выше, тем самым господин советник может воспользоваться этим удобным случаем, и одним махом величие храма цзиши разобьётся вдребезги прямо на глазах у народа. Тогда какие ещё возникнут сложности, чтобы справиться с несколькими безвластными старыми ведьмами в храме цзиши? Неудивительно, что они возненавидели меня аж до скрежета зубов, стоит только

мне ни с того ни с сего умереть от болезни, то, естественно, это будет означать, что меня наказали небесные духи, так как они ненавидят грешников. Хуже того, господин советник будет обвинён в серьёзном преступлении, так как позволил такому грешнику стать дорогим гостем в небесно-земном дворце.

Озвучив на одном дыхании всё вышесказанное, Фэн Мин вдохнул холодный воздух и со вздохом спросил:

— Кто бы мог подумать, с князем Мином забавляются, как с игрушкой, считая, что моя жизнь ничего не стоит?

— На самом деле у князя Мина есть полное право остановиться в небесно-земном дворце. С репутацией князя Мина, добавьте к этому ещё историю великого Силэй, и с поддержкой нашего императора даже глава цзиши не посмела бы отказать. — Лицо Лу Даня опечалилось, а сам мужчина, тяжело вздохнув, сказал: — Однако кто способен был предвидеть государственный переворот в Силэй? Не говоря уже о том, что князь Мин лишится покровительства со стороны Силэй, а Дунфань — могущественной и устрашающей державы, из-за этого даже влияние удивительного искусства войны князя Мина тоже значительно уменьшилось, и, конечно же, цзиши имеют основание отказать князю Мину в звании дорогого гостя. Новость о государственном перевороте нарушила наши с государем планы, заставляя внезапно поменять ситуацию. Сейчас сила и мощь цзиши возрастёт очень быстро, затмевая императорскую власть. Жалко, выдержит ли моя изначально маленькая и неплодородная страна такие страдания?

Хоть мужчина обладал красивой и нежной внешностью, однако его сердце было на редкость волевым, а при мысли о цзиши, которые не подчинялись императорской власти и заставляли государя постоянно тревожиться, господин советник, опустив руки, незаметно и изо всех сил сжал кулаки.

У только что пришедшего в себя после тяжёлой болезни Фэн Мина гудела и пухла голова, кроме того к государственным делам сам юноша не проявлял особого интереса, а потому, услышав половину вышесказанного, вяло зевнул и, укрывшись тёплым и великолепным шёлковым одеялом, закрыл глаза:

— Господину советнику незачем обсуждать со мной всё это, я примерно уже понял. Наставник ведёт с цзиши ожесточённую борьбу, и моя жизнь и смерть станут козырем для того, кто победит. Давайте кое о чём договоримся: господин советник не станет вынуждать меня писать трактаты о военном искусстве и не станет угрожать, говоря, что подарит меня другим императорам. Я же, хм, я ручаюсь, что этот промежуток времени смогу послушно и неподвижно сидеть в этой комнате, есть и спать, спать и есть, и ни за что не сбегу, чтобы не оказаться в руках старых ведьм-цзиши, которые могут меня убить, принося в жертву своим духам и лишая господина советника чести.

На что Лу Дань с изумлением проговорил:

— За какое место принимает князь Мин эту комнату?

— Эта тёплая, пышно обставленная комната разве не является Вашей опочивальней?

В комнате воцарилось молчание.

Спустя долгое время юноша услышал глухой голос Лу Даня:

— Это относящаяся к высокому рангу комната цзиши, находящаяся в небесно-земном дворце. Князь Мин получил разрешение главы цзиши остаться здесь на протяжении трёх дней. Если после этого трёхдневного периода духи не дадут ответа, они могут схватить князя Мина и под стражей перед святым озером приговорить к смерти, — Лу Дань пояснил Фэн Мину, который внезапно широко распахнул глаза. — Вы являетесь моим привезённым издалека гостем, однако слова, оскверняющие дворец, слетели с Ваших уст, и если Вы умрёте от болезни в небесно-земном дворце, подтверждая, что духи разгневались, тогда глава цзиши, весьма вероятно, может обвинить в непочтении к духам и заставит императора приговорить меня к смерти. Вместо того чтобы так сойти в могилу, лучше уж поставить на карту редкую удачу князя Мина. Поэтому я договорился с главой цзиши, что на эти три дня они должны обеспечить князю Мину лучшие покои и окружить заботой, чтобы вылечить Вас и не позволить столкнуться с каким-нибудь несчастьем, в обмен на условие, что через три дня Лу Дань добровольно разделит судьбу с князем Мином.

— Что? — Фэн Мин, крикнув, вскочил с постели. — Я всё ещё не сбежал из рук этой кучки старых... хм, почтенных великовозрастных цзиши? — Осмотревшись по сторонам и убедившись, что их никто не подслушивает, Фэн Мин приглушённо добавил: — Если через три дня духи не дадут ответа, разве Вы не составите мне компанию, чтобы встретить смерть вместе со мной?

Лу Дань, горько усмехнувшись, ответил:

— Именно эту истину я и стараюсь донести до князя Мина, сейчас мы действительно в одной лодке. Князю Мину необходимо поручиться, что произойдёт чудо.

— Спасите! Как ни с того ни с сего может произойти какое-нибудь чудо?

Лу Дань замер и с недоверием спросил:

— Князь Мин мудрый и сообразительный, а без гарантии как Вы осмелились хвастаться, что можете ниспослать чудо?

Упав на спину, Фэн Мин закатил глаза и со вздохом проговорил:

— Они тогда хотели порезать мои сухожилия на руках и ногах, более того, разве я не выиграл время, предполагая, что Вы, воспользовавшись этой небольшой заминкой, спасёте мою жизнь?

Вы ради трактата о военном искусстве наверняка сможете что-нибудь придумать и спасти меня.

Разумеется, он также хотел что-нибудь придумать и выиграть время для неизвестно где находящегося Жун Тяня, чтобы «герой, явившись, спас князя».

Сейчас даже всегда сохраняющий самообладание Лу Дань был ошеломлён. Простояв неподвижно какое-то время, мужчина повернулся с бледным лицом к Фэн Мину и, пристально глядя на юношу, процедил сквозь стиснутые зубы, подчёркивая каждое слово:

— Этого господина советника это не заботит. Вы смогли в безветренную погоду украсить ночное небо столицы Боцзянь огнями, смогли заставить пламя, что пылало на реке Оман, окрасить заревом половину Юньинь, и наверняка, будучи в Дунфань, ухитритесь явить чудо. Жизнь или смерть — выбирать только князю.

Хлопая ресницами, Фэн Мин обменялся растерянным взглядом с Лу Данем, и после долгого всхлипывания юноша завопил:

— Спасите! Жун Тянь, скорее появись, эти женщины на этот раз действительно не шутят!

Примечания:

[1] Лозунг реакционеров-гоминьдановцев во время антияпонской войны. Гоминьдан — консервативная политическая партия Китайской Республики.

[2] Имеется в виду знаменитый китайский военный и политический деятель Чан Кайши (1887-1975).

[3] Слово также переводится как «плаха».

<http://bllate.org/book/13377/1190143>